

ОГОНЬ
В ЕГО ЛАДОНЯХ

Рождение мессии

С трудом пробравшись по каменистому вади¹, караван начал подниматься по тропе, что извивалась среди холмов. Усталые верблюды тяжело переставляли ноги, преодолевая очередные мили длиною в жизнь. Небольшой караван состоял из двенадцати измученных животных и шести изможденных людей.

Они уже приближались к цели своего путешествия, после недолгого отдыха в Эль-Аквиле намереваясь вновь пересечь Сахель ради новой партии соли.

За ними наблюдало девять пар глаз.

Сейчас верблюды несли на спинах сладкие финики, изумруды из Джебал-аль-Альф-Дхулкварнени и реликты имперской эпохи, ценившиеся торговцами из Хеллин-Даймиеля. Платой за товары должна была стать соль, добытая из далекого западного моря.

Караван вел пожилой торговец по имени Сиди аль-Рами. Именно он возглавлял семейное предприятие, а спутниками его были братья, двоюродные братья и сыновья. Самому младшему, Мике, едва исполнилось двенадцать — это был первый его переход по семейному торговому пути.

Наблюдавших нисколько не волновало, кто они такие. Их предводитель назначил каждому свою жертву. Воздух дрожал от зноя, солнце обрушивало на них всю свою мощь. То был самый жаркий день самого жаркого лета на памяти всех живущих.

Верблюды ступили в узкое ущелье, ставшее для них смертельной ловушкой.

Бандиты выскочили из-за камней, завывая подобно шакалам. Мика тут же упал, заработав трещину в черепе. В ушах зазвенело, и он даже не успел понять, что происходит.

¹ *Вади* — арабское название сухих русел рек и речных долин.

Повсюду, где проходил караван, люди говорили, что это лето несет в себе зло. Никогда еще солнце не палило столь обжигающе, и никогда еще оазисы так не пересыхали. И лето действительно стало зловещим, когда некоторые опустились до грабежа караванов торговцев солью. Древний закон и обычай защищали купцов даже от сборщиков налогов — узаконенных бандитов, грабивших от имени короля.

Придя в себя несколько часов спустя, Мика тотчас же пожалел, что не умер вместе со всеми. Боль он мог выдержать — все-таки он был сыном Хаммад-аль-Накира, а дети Пустыни Смерти быстро закалялись в ее огненном тигле. Но полная беспомощность вызывала у него желание умереть.

Он не мог даже отпугнуть падальщиков — настолько был слаб. Он лишь сидел и плакал, пока стервятники и шакалы раздирали мясо его родных, ссорясь из-за лакомых кусочков.

Погибли девять человек и верблюды. Мальчик тоже был обречен. В глазах у него двоилось, в ушах звенело при любой попытке пошевелиться. Иногда казалось, будто его зовет кто-то невидимый. Не обращая ни на что внимания, он упрямо ковылял в сторону Эль-Аквилы, и каждые сто ярдов становились маленькой изматывающей одиссеей.

Он то и дело терял сознание.

В пятый или шестой раз он очнулся в низкой пещере, в которой воняло лисами. Боль пронизывала голову от виска до виска. Он всю жизнь страдал головной болью, но никогда еще та не была столь невыносимой. Он застонал, и стон его превратился в горестный вой.

— Ага, проснулся? Хорошо. Держи. Выпей.

В глубокой тени присела сгорбленная фигура древнего старика. Сморщенная рука протянула оловянную кружку, на дне которой плескалась темная пахучая жидкость.

Мика выпил и тут же снова впал в забытье. Однако он слышал далекий голос, без конца бормотавший о вере, Господе и предначертанной судьбе детей Хаммад-аль-Накира.

Ангел заботился о нем много недель, продолжая читать нескончаемые литании о джихаде. Иногда безлунными ночами он сажал Мику на крылатого коня и показывал ему мир: Аргон, Итаскию, Хеллин-Даймиель, превращенный в руины Гог-Алан, Дунно-Скуттари, Некремнос, Троес, Фрейланд, саму пустыню Хаммад-аль-Накир, Малые королевства и многое другое. И ангел постоянно повторял, что эти земли должны вновь преклонить

колени перед Господом, как это было во времена империи. Господь был терпелив. Господь был справедлив. Господь все понимал. И Господь страдал оттого, что его избранные отступили от веры, перестав нести народам истину.

Ангел не отвечал на вопросы, он лишь осуждал детей Хаммад-аль-Накира за то, что те позволили приспешникам Тьмы притупить их желание служить истине.

За четыре столетия до рождения Мики аль-Рами на земле был город под названием Ильказар, властвовавший над всем Западом. Но короли его были жестоки и слишком часто поддавались влиянию чародеев, которых интересовали лишь собственные достижения.

Над чародеями Ильказара висело древнее пророчество, утверждавшее, что империя найдет свою гибель из-за женщины. И мрачные маги безжалостно преследовали всех женщин, кто владел Силой.

Во время правления Вилиса, последнего короля, сожгли женщину по имени Смирена. У нее остался сын, но палачи не придали этому значения. Мальчик перебрался в Шинсан, Империю Ужаса, где учился у тервола и Принцев-Чудотворцев. А потом он вернулся, одержимый жаждой мести.

Он превратился в могущественного чародея и собрал под своим знаменем врагов империи. Последовавшая война стала самой жестокой из всех, что помнил мир. Чародеи Ильказара тоже были могущественны, а капитаны и солдаты империи — преданы ей и закалены в боях. Колдовство выходило на охоту бесконечными ночами, пожирая государства.

Война превратила когда-то богатое и плодородное сердце империи в обширную каменистую равнину. Русла великих рек засыпало безжизненным песком. Землю эту называли Хаммад-аль-Накиром, Пустыней Смерти. Потомки королей стали мелкими главарями потрепанных банд, которые устраивали друг другу кровавую резню из-за жалких подобий оазисов.

Одно семейство, Квесани, установило номинальную власть над пустыней, принеся неустойчивый мир. Слегка утихомирившиеся племена начали возводить небольшие поселения и восстанавливать старые храмы.

Дети Хаммад-аль-Накира были религиозны. Лишь вера в то, что все их испытания насланы Господом, позволяла выносить

зной, пустыню и дикость собратьев. Лишь непоколебимая уверенность, что Господь когда-нибудь смиростивится и вернет им законное место среди народов, поддерживала борьбу за жизнь. Но религия их имперских предков была рассчитана на оседлый народ, крестьян и городских жителей. Церковная иерархия не шла в ногу со светской. По мере того как сменялись поколения, но Господь не проявлял милости, простонародье все сильнее отдалялось от священнослужителей. А те чересчур закостенели, чтобы приспособить догмы к потребностям уже кочевого народа. Они слишком привыкли взвешивать все на весах смерти.

То лето было самым жарким после следовавших за Падением. Осень не обещала облегчения. Оазисы пересыхали, и порядок, который обеспечивали власти, постепенно ускользал из рук Короны и священнослужителей. Хаос нарастал, отчаявшиеся люди все чаще нападали друг на друга, а молодые священники спорили со старшими относительно религиозного значения засухи. Бесплодные холмы и дюны захлестывала волна народного гнева. В каждой тени таилось недовольство.

Земля вслушивалась в шепот нового ветра. И один старик услышал некий звук. То, как он поступил в ответ, прокляло его и одновременно сделало святым.

Для имама Ридии аль-Ассада лучшие дни остались в далеком прошлом. После пятидесяти с лишним лет служения Господу он почти ослеп, и теперь о нем должны были заботиться другие слуги Господни. Однако ему дали меч и поставили охранять склон холма. У него никогда не было ни сил, ни желания, чтобы владеть оружием. Если бы явился кто-то из клана эль-хабиб, желая украсть воду из источников и водохранилищ Аль-Габы, он ничего не смог бы сделать, и лишь плохое зрение оправдало бы его перед начальниками.

Старик был истинно верующим. Он считал себя братом всем людям во всем Краю Мира и верил, что выпавшим ему счастьем следует делиться с теми, кого Господь призвал вести за собой.

В храме Аль-Габы имелась вода. В Эль-Аквиле ее не было ни капли. Старик не понимал, почему его начальники готовы обнажить сталь во имя подобной несправедливости.

Эль-Аквила лежала по левую руку от него, на расстоянии миль. Убогое селение являлось центром жизни клана эль-хабиб. Позади аль-Ассада возвышался храм и монастырь, где он жил.

В монастыре доживали остаток дней священнослужители из западной пустыни.

Звук доносился откуда-то снизу, из-под каменистого склона, который ему было поручено охранять. Аль-Ассад заковылял вперед, намного больше доверяя собственным ушам, чем почти ослепшим от катаракты глазам. Звук напоминал бормотание умирающего на дыбе человека.

В тени каменной глыбы он нашел лежащего мальчика.

На вопросы «Кто ты?» и «Тебе нужна помощь?» ответа не последовало. Старик присел и скорее ощутил, чем увидел, что перед ним жертва пустыни. Он вздрогнул, нащупав потрескавшуюся, покрытую струпьями, обожженную солнцем кожу.

— Ребенок, — пробормотал он. — И не из Эль-Аквилы.

Жизнь почти оставила юношу. Солнце выжгло большую часть его сил, иссушив душу так же, как и тело.

— Идем, сын мой. Вставай. Тебе теперь ничто не угрожает. Ты пришел в Аль-Габу.

Юноша не отвечал. Аль-Ассад попытался поставить его на ноги — мальчик никак ему не помогал, но и не сопротивлялся. Имам не мог ничего с ним поделать. В мальчике уже не осталось желания жить, и он лишь бессвязно бормотал странные слова: «Я шел с ангелом Господним. Я видел стены рая». Потом он впал в полное беспамятство, и аль-Ассад так и не смог снова привести его в чувство.

Старик проделал долгий и болезненный путь в монастырь, останавливаясь через каждые пятьдесят ярдов, чтобы обратиться к Господу с просьбой пощадить его жизнь, пока он не сообщит о находке настоятелю. Сердце его вновь билось с перебоями, и он понял, что недолог тот час, когда смерть примет его в объятия.

Аль-Ассад больше не боялся Темной Госпожи — на самом деле он даже ждал облегчения от страданий, которое принесет ему смерть. Но он просил о снисхождении, чтобы ему позволили совершить последний праведный поступок. Господь возложил на него и на храм определенные обязательства, приведя жертву пустыни к нему и на земли храма.

Смерть услышала его и остановила свою руку, возможно предвидя позднее куда более богатый урожай. Настоятель сперва ему не поверил и обругал за то, что он оставил пост.

— Это все проделки эль-хабибов. Сейчас они наверняка крадут нашу воду. — Аль-Ассад все же удалось убедить настоятеля,

хотя радости тому это нисколько не добавило. — Чего нам только не хватало, так это лишних ртов.

— «Имели вы хлеб, но не накормили брата вашего? Имели вы воду, но не напоили брата вашего? Тогда говорю я вам...»

— Избавь меня от цитат, брат Ридия. О нем позаботятся. — Настоятель покачал головой, предвкушая тот день, когда Темная Госпожа наконец заберет аль-Ассада. Старик со своими благими намерениями становился чересчур обременителен. — Смотри, его уже несут.

Братья опустили носилки перед настоятелем, который взглянул на измученного мальчишку, с трудом скрывая отвращение.

— Это Мика, сын торговца солью аль-Рами, — удивленно проговорил он.

— Но прошел месяц с тех пор, как эль-хабибы нашли их караван! — возразил один брат. — Никто не в состоянии столь долго выжить в пустыне!

— Он говорил, будто о нем заботился ангел, — сказал аль-Ассад. — Он говорил, что видел стены рая.

Настоятель хмуро посмотрел на него.

— Старик прав, — подтвердил другой брат. — Пока мы шли, он заговорил. Будто он видел золотые знамена на башнях рая. Он сказал, что ангел показал ему весь мир и что Господь велел ему снова привести избранных к истине.

По лицу настоятеля пробежала тень. Подобные разговоры внушали тревогу.

— Может, он и вправду видел ангела? — предположил кто-то.

— Не болтай глупости, — возразил настоятель.

— Но он жив, — напомнил аль-Ассад. — Вопреки всему.

— Он был с бандитами.

— Бандиты сбежали через Сахель. Их выследили эль-хабибы.

— Значит, с кем-то еще.

— Ангел... Ты не веришь в ангелов, брат?

— Конечно верю, — поспешно ответил настоятель. — Просто я сомневаюсь, что они показываются сыновьям торговцев солью. В нем говорит пустынное безумие. Он обо всем забудет, когда придет в себя. — Настоятель огляделся, и увиденное ему не понравилось. Вокруг мальчика собрался весь храм, и на многих лицах читалось желание поверить в услышанное. — Ахмед, позови ко мне Мустафа эль-Хабиба. Нет, погоди. Ридия, ты нашел мальчика — ты и пойдешь в селение.

— Но почему?

Настоятелю пришел в голову формальный повод, позволявший избавиться от хлопот, которые уже успел доставить мальчишка.

— Здесь мы не можем за ним ухаживать. Он не прошел обряд посвящения, а пока не выздоровеет, этого не сделать.

Аль-Ассад яростно уставился на начальника, а затем, позабыв в гневе о своих болях и слабости, отправился в селение Эль-Аквила. Глава клана эль-хабиб обрадовался не больше, чем настоятель:

— Ты нашел в пустыне какого-то мальчишку? И чего ты от меня хочешь? Это не моя проблема.

— Все, кого коснулось несчастье, — наша проблема, — ответил аль-Ассад. — Настоятель хотел бы с тобой о нем поговорить.

Настоятель начал разговор с подобного же замечания в ответ на подобное же заявление. Он процитировал Писание, и Мустаф возразил цитатой, которую до этого привел аль-Ассад. Настоятель с трудом сдерживал злость:

— Он не прошел обряд посвящения.

— Так проведите обряд. Это ваша работа.

— Мы не можем, пока он не придет полностью в себя.

— Для меня он ничего не значит. А вы — еще меньше.

Отношения между ними были не из лучших. Прошло всего два дня с тех пор, как Мустаф обратился к настоятелю с просьбой дать ему воды из храмового источника и настоятель отказал. Аль-Ассад же хитро повел главу клана через храмовые сады, где восхваляли Господа аккуратные пышные цветочные клумбы. Мустаф был не в том настроении, чтобы проявлять благотворительность.

Настоятель оказался в безжалостной ловушке. Высшим законом храма являлось свершение добрых дел, и он не осмеливался пренебречь им на глазах братьев, если хотел сохранить свой пост. Но он не был готов и к тому, чтобы позволить мальчишке бормотать богохульства там, где они могли возмутить разум его подопечных.

— Друг мой, немало тяжких слов прозвучало между нами по вопросу, который мы столь недавно обсуждали. Возможно, я принял чуть поспешное решение.

Мустаф хищно оскалился:

— Возможно.

— Двадцать бочек воды? — предложил настоятель.

Мустаф направился к выходу.

Аль-Ассад печально вздохнул. Похоже, они собирались торговаться, словно на рынке, пока мальчик умирал. Качая головой, он отправился в свою келью.

Не прошло и часа, как его приняла в объятия Темная Госпожа.

Мика внезапно проснулся с ясной головой, интуитивно догадываясь, что миновало немало времени. Последнее, что отчетливо помнил, — как он шел рядом с отцом, пока караван преодолевал оставшуюся перед Эль-Аквилой лигу. Крики, удар, боль, безумие... Они угодили в ловушку. Где он сейчас? Почему не умер? Ангел. Был какой-то ангел.

Вернулись обрывки воспоминаний. Ему сохранили жизнь, чтобы он стал проповедником для избранных. Учеником.

Он поднялся с тюфяка, но ноги тут же ему отказали. Несколько минут он лежал, тяжело дыша, прежде чем хватило сил доползти до клапана палатки.

Клан эль-хабиб уложил его в палатку, под карантин. От слов его, произнесенных в бреду, Мустафа бросало в дрожь. Глава клана чувствовал за его безумными видениями кровь и страдания.

Мика откинул клапан. В лицо ударили лучи послеполуденного солнца. Он вскрикнул, заслонив рукой глаза. Дьявольский огненный шар снова пытался его убить.

— Идиот! — прорычал кто-то, вталкивая его обратно. — Ослепнуть захотел?

Он почувствовал прикосновение мягких рук, его снова вели к тюфяку. Пелена перед глазами рассеялась, и он увидел девочку примерно своего возраста. Вуали на ней не было.

Мика попытался. Что это? Испытание зла? Ее отец убил бы его...

— Что случилось, Мерьем? Я слышал, как он кричал.

Внутри проскользнул юноша лет шестнадцати. Мика попытался вжаться в угол, но тут же вспомнил, кто он. Его коснулась рука Господа. Он стал Учеником. И никто не мог оспаривать его добродетельности.

— Наш найденьш насмотрелся на солнце. — Девочка дотронулась до плеча Мики, и он, вздрогнув, отстранился.

— Перестань, Мерьем. Оставь свои забавы до той поры, когда он наберется для них сил. — Он повернулся к Мике. — Она лю-

бимица отца, самая младшая. Он ее балует. Даже если она кого-то убьет, ей все равно ничего не будет. Мерьем, могу я тебя попросить... насчет вуали?

— Где я? — спросил Мика.

— В Эль-Аквиле, — ответил юноша. — В палатке за хижиной Мустафа абд-Расима ибн Фарида эль-Хабиба. Тебя нашли священники из Аль-Габы. Ты был почти мертв, и они отдали тебя моему отцу. Меня зовут Насеф, а это моя сестра Мерьем. — Он сел, скрестив ноги, напротив Мики. — Нам поручено о тебе заботиться, — без особого энтузиазма пояснил он.

— Ты был для них слишком большой обузой, — сказала девочка. — Потому они и отдали тебя отцу. — В голосе ее послышались горькие нотки.

— Что такое?

— Наш оазис пересыхает. В храме еще есть вода, но настоятель не хочет ею делиться. Храмовые сады цветут, в то время как клан эль-хабиб страдает от жажды.

Никто не упомянул о недавней сделке отца.

— Ты в самом деле видел ангела? — спросила Мерьем.

— Да, видел. Он нес меня среди звезд и показывал всю Землю. Он явился ко мне в час отчаяния и одарил двумя бесценными дарами: жизнью и истиной. И он велел мне нести истину избранным, чтобы они могли освободиться от оков прошлого и, в свою очередь, нести Слово неверным. — Насеф язвительно усмехнулся, глядя на сестру, и Мика сразу же это заметил. — Ты тоже познаешь истину, друг Насеф. Ты тоже увидишь расцвет Царства Мира. Господь вернул меня в мир живых, наделив миссией создать его царство на Земле.

В последующие столетия предстояли бесчисленные жестокие споры относительно слов Эль-Мюрида¹ о «возвращении в мир живых». Имел ли он в виду символическое возрождение, или в буквальном смысле возвращение из мертвых? Сам он так никогда и не объяснил, о чем тогда говорил.

Насеф закрыл глаза. Он был на четыре года старше наивного мальчика, и через эти годы пролегла непроходимая пропасть пережитого опыта. Однако он был достаточно хорошо воспитан, чтобы тут же не расхохотаться.

— Приоткрой немного клапан палатки, Мерьем. Пусть по-немногу привыкает к солнцу.

¹ *Мюрид* — последователь, ученик (*араб.*).

— Нужно принести ему чего-нибудь поесть, — сказала Мерьем. — Он пока не ел никакой твердой пищи.

— Только ничего тяжелого. Его желудок еще не готов.

Насефу уже доводилось видеть жертв пустыни.

— Помоги мне.

— Ладно. Отдыхай, найденыш. Мы сейчас вернемся. Попробуй вызвать у себя аппетит. — Он вышел из палатки следом за сестрой.

— Он ведь в самом деле в это верит? — тихо спросила Мерьем, остановившись в двадцати футах.

— В ангела? Да он сумасшедший.

— Я тоже верю, Насеф. В каком-то смысле. Потому что мне хочется верить в то, что он говорит. Думаю, многим хотелось бы услышать нечто подобное. Может, настоятель отправил его сюда, потому что боялся слушать? И потому отец не хочет пускать его в дом?

— Мерьем...

— Что, если многие начнут его слушать и поверят ему, Насеф?

Насеф задумчиво остановился:

— Пожалуй, над этим стоит поразмыслить.

— Да. Идем. Принесем ему чего-нибудь поесть.

Эль-Мюрид, который по большей части все еще оставался мальчиком по имени Мика аль-Рама, лежал, глядя в потолок палатки и позволяя солнечным лучам, просачивавшимся сквозь ткань, ласкать его глаза. Он чувствовал, как в нем нарастает неодолимое желание последовать своим путем, начать проповедовать, но подавил его, понимая, что до этого следует полностью выздороветь.

Но ему так не хватало терпения!

Теперь, когда ангел открыл ему глаза, он знал о грешных обычаях избранных и стремился как можно скорее принести им истину. Каждая жизнь, которую забирала Темная Госпожа, теперь означала еще одну душу, не спасенную ото зла.

Следовало начать с Эль-Аквилы и Аль-Габы. Когда эти люди обретут спасение, он пошлет их проповедовать соседям, а сам отправится в путешествие среди племен и селений вдоль пути отцовского каравана — если найдет какой-нибудь способ принести им соль.

— А вот и мы, — объявила Мерьем. В голосе ее звучали мелодичные нотки, показавшиеся Мике странными для столь юной

девочки. — Снова суп, но на этот раз я принесла немного хлеба. Можешь его размочить. Сядь — на этот раз тебе придется есть самому. Не ешь слишком быстро, а то станет плохо. И не слишком много.

— Ты очень добра, Мерьем.

— Нет. Насеф прав — я плохо воспитанная девчонка.

— Но даже при этом Господь тебя любит.

Он тихо и убедительно заговорил, откусывая по кусочку хлеба, и Мерьем слушала его с видимым восторгом.

Первый раз он выступил перед публикой в тени пальм, окружавших оазис эль-хабибов. От когда-то надежного водоема почти ничего не осталось, кроме ила, и даже тот засыхал и трескался. Мика сделал оазис темой притчи о высыхающих водах веры в Господа.

Слушателей было не много. Он сидел с ними, словно учитель с учениками, убеждая их и обучая вере. Некоторые вчетверо превосходили его по возрасту, и их удивляли его познания и ясность мыслей. Они пытались подловить оратора, ставили на пути его рассуждений ловушки в виде утонченных вопросов на тему догматов, но он разбивал все аргументы, словно варварская орда, уничтожающая плохо защищенные города.

Он был куда лучше образован, чем предполагал сам.

Обратить в свою веру ему никого не удалось, но этого он и не ожидал. Ему хотелось лишь, чтобы они начали распространять слухи за его спиной, создавая соответствующую атмосферу для речей, которые действительно могли добавить ему новообращенных.

Пожилые мужчины ушли от него в страхе, почувствовав в его словах первую искру пламени, которое могло пожрать детей Хаммад-аль-Накира.

После Эль-Мюрид посетил Мустафа.

— Что стало с караваном моего отца? — спросил он главу клана.

Мустафа ошеломили его слова, ибо тот говорил с ним как с равным, а не как ребенок со старшим.

— Они попали в засаду. Все погибли. То был печальный час в истории Хаммад-аль-Накира. Не думал, что доживу до дня, когда люди станут нападать на соляные караваны!

Чувствовалось, что Мустаф недоговаривает. Глаза его бегали.

— Я слышал, караван нашли эль-хабибы. И еще я слышал, что они преследовали бандитов.

— Это правда. Бандиты пересекли Сахель, сбежали в страну неверных Запада.

Мустаф нервничал, и Мике показалось, что он знает почему. Вождь, по сути, поступил как человек чести, послав людей справедливо наказать тех, кто лишил жизни семью аль-Рами. Но все сыновья Хаммад-аль-Накира были немного разбойниками.

— Но там, снаружи, есть верблюд, который отзывается на кличку Большой Джемал. И еще один, по кличке Кактус. Может ли быть совпадением, что эти животные носят те же имена, что и верблюды моего отца? И случайно ли у них точно такие же отметины на шкуре?

Мустаф с минуту молчал, и на мгновение в его глазах вспыхнул гнев. Ни одному мужчине не понравится, что его призывает к ответу мальчишка.

— А ты наблюдателен, сын аль-Рами, — наконец ответил он. — Да, это действительно бывшие верблюды твоего отца. Когда пришло известие о случившемся, мы оседлали лучших коней и помчались по следу. Столь чудовищное преступление не могло остаться безнаказанным. Хотя люди твоего отца и не из клана эль-хабиб, они принадлежали к избранным. Они были торговцами солью, и защищающие их законы старше, чем сама империя.

— И конечно, была еще и добыча.

— Была и добыча, хотя твой отец не был богат. Всего его состояния едва хватило, чтобы возместить наши потери коней и людей.

Мика улыбнулся — Мустаф раскрыл свою стратегию ведения переговоров.

— Вы отомстили за мою семью?

— Да, хотя погоня занесла нас за пределы Сахеля. Мы поймали их у самых стен торговцев-язычников. Лишь двоим удалось пройти через ворота неверных. Мы люди благородные и не стали сжигать их деревянные стены. Мы не стали убивать мужчин и порабощать женщин. Мы обсудили случившееся с их советом торговых посредников, которые давно знали твою семью. Мы представили доказательства, и они, посоветовавшись, отдали бандитов нам на расправу. Мы не пощадили их — они умирали много дней, в назидание другим, кто нарушит законы, которые старше, чем сама пустыня. Возможно, стервятники до сих пор растаскивают их кости.

— За это я тебе благодарен, Мустаф. А что с моим наследством?

— Это мы тоже обсудили с торговыми посредниками. Возможно, они нас обманули — кто мы для них, как не невежественные песчаные дьяволы? А может, и нет. При нас были сабли, все еще обгаренные кровью тех, кто причинил нам зло.

— Вряд ли вас обманули, Мустаф. Это не в их обычаях. И как ты говоришь, они были напуганы.

— Осталось немного золота и серебра. А верблюды их не интересовали.

— Скольких вы потеряли?

— Одного. И мой сын Насеф был ранен. Тебе стоило его видеть — настоящий лев! Моя гордость не знает границ. Я рад, что мои чресла породили такого сына! Мой Насеф — лев пустыни. Он станет могучим воином, если юношеский пыл его не убьет. Он лично прикончил троих! — Вождь прямо-таки сиял от гордости.

— А лошади? Ты говорил про лошадей.

— Три. Три наших лучших. Мы скакали, не зная устали. И мы послали гонца к родным твоего отца, чтобы те узнали о случившемся и могли предъявить свои требования. Он пока не вернулся.

— Ему предстоит долгий путь. Я оставляю все тебе, Мустаф. Прощу только дать мне коня и немного денег, чтобы я мог начать проповеди.

Мустаф удивленно посмотрел на него:

— Мика...

— Теперь я Эль-Мюрид. Мики аль-Рами больше нет. Он был мальчишкой, который умер в пустыне. Я вернулся из огненного тигля как Ученик.

— Ты серьезно? — (Эль-Мюрида удивило, что кто-то еще может сомневаться.) — Ради моей дружбы с твоим отцом выслушай меня. Не иди по этому пути. Он принесет лишь горе и слезы.

— Я должен, Мустаф. Сам Господь приказал мне.

— Мне следовало бы тебя удержать, но не стану. Да простит меня призрак твоего отца. Пойду выберу коня.

— Белого, если есть.

— Есть.

На следующее утро Эль-Мюрид снова проповедовал под пальмами. Он страстно говорил о едва сдерживаемом гневе Господа, который терял терпение, видя, как его избранные прене-

брегают обязанностями. Аргумент в виде высохшего оазиса трудно было опровергнуть, как и сбросить со счетов невероятно жаркое лето. Несколько слушателей помоложе остались, чтобы задать вопросы и послушать ответы.

Три дня спустя у входа в палатку Эль-Мюрида послышался шепот Насефа:

— Мика? Можно войти?

— Входи. Насеф, можно попросить тебя называть меня Эль-Мюрид?

— Извини. Конечно. — Юноша расположился напротив Эль-Мюрида. — Мы с отцом поссорились. Из-за тебя.

— Печально слышать. В том нет ничего хорошего.

— Он велел мне держаться от тебя подальше, и Мерьем тоже. Так же собираются поступить и другие родители. Они все больше злятся — слишком много идей ты пытаешься оспорить. Тебя терпели, пока думали, что все это бред после пустыни, но теперь тебя называют еретиком.

— Меня? — ошеломленно переспросил Эль-Мюрид. — Меня, Ученика, обвиняют в ереси? Как такое может быть?

Разве он не был избран Господом?

— Ты бросаешь вызов старым обычаям. Их обычаям. Ты обвиняешь их. Ты обвиняешь священнослужителей Аль-Габы. Они привыкли к своим традициям, и вряд ли стоит рассчитывать, что они скажут: «Да, мы виновны».

Эль-Мюрид не предвидел, что зло может оказаться настолько коварным, чтобы отразить его собственные аргументы. Он недооценил врага.

— Спасибо, Насеф, что предупредил меня. Ты настоящий друг. Я запомню. Насеф, я не предполагал подобного.

— Я так и думал.

— Тогда иди. Не навлекай на себя недовольство отца. Поговорим позже.

Насеф встал и вышел, едва заметно улыбаясь.

Эль-Мюрид молился много часов, уйдя в глубины своего юного разума. Наконец он понял, какова воля Господа.

Эль-Мюрид смотрел вдоль длинного каменистого склона на Аль-Габу. Невысокий холм был полностью бесплоден, и казалось, окутавшая его тьма в любое мгновение могла сползти вниз, похрав все окружавшее его добро. Именно здесь должна была

состояться его первая и самая важная победа. Какой смысл завоевывать души клана эль-хабиб, если духовные пастыри вновь поведут их назад по пути зла, стоит лишь ему отправиться в путь?

— Я иду в храм, — сказал он сельчанину, пришедшему посмотреть, чем он занимается. — Собираюсь прочитать проповедь. Я покажу им истину, а затем позволю в лицо назвать меня еретиком, рискуя навлечь на себя гнев Господа.

— Разумно ли это?

— Это необходимо. Они должны объявить себя либо правоверными, либо орудиями зла.

— Я скажу остальным.

Эль-Мюрид начал свой путь.

В религии пустыни не водилось дьявола, пока его не назвал Эль-Мюрид. Зло было территорией демонов, призраков и падших духов, не имевших вождя. А патриархальный Господь Хаммад-аль-Накира был лишь главой семейства богов, подозрительно напоминавшего обширные семьи империи и пустынные кланы. Главным источником проблем Господа был его брат, черная овца в семье, который постоянно вмешивался в его дела, получая удовольствие от возникающего хаоса. Религия также хранила в себе следы анимизма, веры в переселение душ и поклонения предкам.

Ученые Ребсаменского университета в Хеллин-Даймиеле считали пустынных богов слабым эхом семейства, которое когда-то объединило изначальные Семь Племен. А потом возглавило их миграцию в земли, которым предстояло стать империей, а позднее Хаммад-аль-Накиром.

В своих проповедях Эль-Мюрид предавал анафеме анимизм, поклонение предкам и веру в переселение душ, возводя главу семейства до уровня всемогущего единственно истинного Господа, брата, жены и дети которого стали простыми ангелами. А лезущий не в свои дела брат стал злом, повелителем джиннов и ифритов, а также покровителем всех колдунов. Эль-Мюрид выступал против колдовской практики с непонятной для слушателей страстью. Главный его аргумент состоял в том, что именно колдовство принесло гибель империи. Слава Ильказара и надежда на его возвращение проходили основной темой во всех проповедях Эль-Мюрида.

Основным пунктом разногласий в Эль-Аквиле стал запрет на молитвы низшим богам. Слушатели Эль-Мюрида привыкли

обращаться за помощью к «узким специалистам», в особенности Мухрайну, покровителю региона, которому были посвящены храмы Аль-Габы.

Путь, однако, привел Эль-Мюрида не в Аль-Габу, но на то место, где его нашел имам Ридия. Сперва он не понял, что его туда повлекло, но решил, что ищет нечто, когда-то здесь оставленное и полностью забытое. Нечто, спрятанное им в последний миг, прежде чем его оставил разум. Нечто, что дал ему ангел.

В памяти возникали обрывочные видения некоего талисмана — могущественного амулета в виде браслета с живым камнем. Ангел говорил, это доказательство, которое потребуется, чтобы убедить неверующих.

Но он не помнил, где спрятал амулет. Он рыскал в окрестностях высохшего вади, которое когда-то помешало ему самостоятельно добраться до Эль-Аквилы.

— Что ты там делаешь? — послышался сверху голос Насефа.

— Ты меня напугал, Насеф.

— Что ты делаешь?

— Ищу кое-что. Я спрятал его тут. Его ведь не нашли? Здесь вообще что-нибудь находили?

— Кто? Священнослужители? Только оборванного, истощенного сына торговца солью. Что ты спрятал?

— Теперь вспомнил. Под валуном, похожий на черепаший панцирь. Где он?

— Вон там есть похожий.

Валун обнаружился всего в ярде от того места, где аль-Ассад нашел мальчика. Эль-Мюрид попытался поднять камень, но ему не хватило сил.

— Давай помогу. — Насеф оттолкнул его в сторону, зацепившись рукавом за шип чахлого пустынного кустарника. — Ох... мать точно устроит мне выволочку.

— Помоги мне!

— И отец тоже, если узнает, что я тут был.

— Насеф!

— Ладно-ладно. — Он навалился на камень. — Как ты до этого его двигал?

— Не знаю.

Вместе они опрокинули валун набок.

— Ого, что это? — спросил Насеф.

Эль-Мюрид осторожно извлек амулет из каменистой почвы, стряхнув землю с изящного золотого браслета. Драгоценный камень светился даже на утреннем солнце.

— Мне дал его ангел. Как доказательство для сомневающихся.

Насефа амулет впечатлил, хотя и вызвал у него скорее тревогу, чем восторг.

— Тебе, пожалуй, стоит идти, — нервно посоветовал он. — Все селение собирается в храме.

— Они что, думают, их будут развлекать?

— Они думают, будет что-то интересное, — уклончиво ответил Насеф.

Эль-Мюрид уже замечал за ним подобную уклончивость. Насеф не хотел, чтобы его поймали на слове — на какую бы тему ни шел разговор. Они зашагали в сторону Аль-Габы. Друг постепенно отставал, и Эль-Мюрид прекрасно его понимал — Насефу еще предстояло жить с Мустафом.

В храме собрались все, как из Эль-Аквилы, так и из Аль-Габы. Атмосфера в храмовом саду напоминала праздничную, но Эль-Мюрид не встретил ни одной дружеской улыбки. Под покровом веселья скрывалась злоба. Эти люди пришли увидеть чью-то боль и страдания.

Он думал, что сможет преподать им урок, вступив в спор с настоятелем и тем самым вскрыв все недомыслие, присущее старым догмам и обычаям. Но он почувствовал охватившую их страсть и понял: она требует столь же страстного ответа, реально показывающего, на что способен Эль-Мюрид. Молниеносно приняв решение, он словно увидел себя со стороны, став лишь еще одним зрителем, наблюдающим за выступлением Эль-Мюрида.

— На меня снизошла сила Всевышнего! — воскликнул он, воздев к небу руки. — Дух Господень движет мною! Узрите же, идолопоклонники, погрязшие в грехе и слабой вере! Часы врагов Всевышнего сочтены! Есть лишь один Господь, и я его Ученик! Следуйте за мной или горите навеки в аду!

Он с размаху ударил оземь правым кулаком, и камень в амулете ярко вспыхнул. С неба, многие месяцы не видевшего ни облачка, ударила молния, выжигая неровный шрам поперек храмового сада. В воздух взлетели обгоревшие лепестки.

В голубом небе прогрехотал гром. Женщины закричали, мужчины закрыли уши. Одна за другой, подобно быстрым коротким

копьям, ударили еще шесть молний, разнося и сжигая прекрасные цветочные клумбы.

В наступившей тишине Эль-Мюрид направился прочь размеренным и целеустремленным шагом. Сейчас он был не ребенком и не мужчиной, но воплощением стихии, столь же ужасной, как ураган. Он двинулся в сторону Эль-Аквилы, и толпа устремила за ним, охваченная ужасом, но влекомая непреодолимой силой. За ним пошли даже братья из храма, никогда не покидавшие Аль-Габу.

Эль-Мюрид остановился возле высохшего оазиса, где когда-то чистая вода ударялась о подножия финиковых пальм.

— Я Ученик! — вскричал он. — Я орудие Всевышнего! Я воплощение славы и могущества!

Схватив весивший больше ста фунтов камень, он без особых усилий поднял его над головой и швырнул в засохший ил. В безоблачном небе продолжал грохотать гром. В песок пустыни ударяли молнии. Женщины вскрикнули, мужчины заслонили глаза. Внезапно спекшийся ил потемнел, наполняясь влагой.

Эль-Мюрид развернулся к Мустафу и настоятелю:

— Так вы называли меня глупцом и еретиком? Говорите, слушатели ада. Покажите мне силу, которая есть в вас.

В стороне собралась горстка новообращенных, души которых он завоевал раньше. На их лицах сиял благоговейный восторг и нечто похожее на почитание. Насеф держался где-то посередине, пока не решив, к какой группе примкнуть.

Настоятеля, однако, происходящее нисколько не впечатляло, и его вызывающая поза говорила о том, что никакие доказательства на него не действуют.

— Это все спектакль, — проворчал он. — Сила того зла, о котором ты твердишь в своих проповедях. Ты не сделал ничего такого, чего не сумел бы любой достаточно опытный чародей.

Эль-Мюрид воспринял запретное слово будто удар железной перчаткой по лицу. В основе всех его проповедей лежала иррациональная, необъяснимая ненависть к колдовству. Именно эта часть его доктрины больше всего приводила в замешательство слушателей, поскольку, казалось, не имела отношения к другим поучениям.

— Да как ты смеешь? — Эль-Мюрид задрожал от ярости.

— Неверный! — крикнул кто-то, и его возглас подхватили другие. — Еретик!

Эль-Мюрид развернулся кругом. Неужели они насмеялись над ним?

Но крики новообращенных были адресованы настоятелю.

Кто-то швырнул камень, разбив лоб священнослужителю, и тот упал на колени. Следом полетели еще камни. Большинство сельчан разбежались. Личные помощники настоятеля, двое умственно отсталых братьев, которые были моложе остальных, схватили его за руки и поволокли прочь. Новообращенные Эль-Мюрида последовали за ними, швыряя камни.

Мустаф преградил им путь, собрав группу людей. Воздух сотрясали гневные ругательства, замелькали кулаки. В руках появились ножи.

— Прекратите! — крикнул Эль-Мюрид.

То был первый из бунтов, которые в течение многих лет следовали за ним, подобно заразной болезни. Лишь его вмешательство не дало свершиться кровопролитию.

— Прекратите! — прогремел он, поднимая к небу правую руку. Амулет вспыхнул, освещая лица золотым сиянием. — Спрячьте клинки и идите по домам, — велел он своим последователям.

Снизошедшая на него Сила никуда не девалась, и он уже не был ребенком. Повелительный тон его заставлял повиноваться любого. Его последователи убрали ножи и попятились. Он задумчиво взглянул на них: все они были молоды, некоторые даже моложе его самого.

— Я пришел к вам не для того, чтобы вы проливали кровь друг друга, — сказал он и повернулся к главе клана эль-хаиб. — Мустаф, я приношу свои извинения. Я вовсе этого не хотел.

— Ты проповедуешь войну. Священную войну.

— Против неверных. Языческих народов, взбунтовавшихся против империи. Но не брата против брата. Не избранного против избранного. — Он снова посмотрел на молодежь, с удивлением увидев среди нее несколько девушек. — Не сестры против брата, не сына против отца. Я пришел объединить священную империю силой Всевышнего, чтобы избранные снова могли занять причитающееся им по праву место среди народов. Чтобы они возлюбили единственного истинного Господа, которому следует поклоняться, как подобает избранным.

Мустаф покачал головой:

— Полагаю, ты желаешь добра. Но куда бы ты ни шел, за тобой будут следовать мятежи и раздоры, Мика аль-Рами.

Содержание

ОГОНЬ В ЕГО ЛАДОНЯХ	5
И НЕ ЩАДИТЬ НИКОГО	231
ИМПЕРИЯ, НЕ ЗНАВШАЯ ПОРАЖЕНИЙ	
Предисловие	517
Солдат империи, не знавшей поражений	519
Ночи ужасной тишины	587
В поисках дочери Свале	597
В погоне за призраком	604
Заточенные зубы	640
Замок слез	686
Восставшие из мертвых	698
Отрубленные головы	749
Серебропят	784
Адская кузница	796